

Русский. Камерный. Невероятный

*Зачем известный дирижер переехал
из Европы в Курск*

*Сквозь белоснежные тюлевые шторы
солнечные лучи веселыми зайчиками плясали
по замысловатым узорам набранного из разных
пород дерева паркету, соперничая с теми, что
резвились на шелковых сине-голубых обоях
по стенам большой залы с двумя каминами.
Через ту же белую паутинку штор
выплескивались за окна звуки скрипок,
флейт, виолончелей, собираясь воедино
под ультрамариновым высоким небом в шедевры
Баха и Моцарта, Генделя и Равеля.*

Круглый зал усадьбы Барятинских «Марьино», вид с балкона

СЕРГЕЙ ГЕОРГИЕВИЧ ПРОСКУРИН

Главный дирижер и художественный руководитель Русского камерного оркестра, солист-трубач, педагог, ученый, профессор Курского государственного университета и консерватории им. Людвиг ван Бетховена в Вене (Австрия). Получил музыкальное образование в консерваториях Саратова (по классу трубы) и Санкт-Петербурга (по классу оперно-симфонического дирижирования). Стажировался в Лондоне и Нью-Йорке, затем в Бухаресте. Наряду с концертной деятельностью солиста-трубача и дирижера занимался педагогической работой. Преподавал в консерваториях Саратова, Кишинева, Фалюна (Швеция), в Королевской Академии музыки Копенгагена (Дания). Гастролировал по городам России, в бывших республиках Советского Союза, в Японии, Тайване, США, Гонконге, Швеции, Дании, Норвегии, Германии, Испании, Франции, Австрии и многих других странах. Записал 20 компакт-дисков как солист и дирижер. Имеет более 200 научных и творческих публикаций. Сергей Проскурин является автором крупных международных культурно-творческих проектов: «Марьяинские музыкальные сезоны», которые ежегодно проходят в дворцово-парковом ансамбле «Марьино», ежегодного музыкального фестиваля «Русский камерный оркестр — детям», международного фестиваля классической музыки «Мариинские ассамблеи» и других.

«С топ! Стоп! Куда вы так спешите? — суровый голос нарушил круговорот звуков и солнечных зайчиков. — А вы — громче! С третьего такта!»
Равновесие восстановилось, все завертелось, как будто не было этого внезапного перерыва. Музыка растекалась по тенистым аллеям усадебного парка, обгоняя неторопливо прогуливающихся дам — в соломенных шляпках, с вуалями и веерами и кавалеров во фраках и цилиндрах. Как будто не было последних 150 лет: в поместье Марьино князей Барятинских летним субботним утром началась двадцать шестая ассамблея. Сейчас этот бал так и называется — «Мариинские ассамблеи».

Накануне поздно вечером нас, гостей из Москвы, встречал в аэропорту Курска тот самый обладатель сурового голоса — в клетчатой рубашке с коротким рукавом и летних брюках. Он ни за что не хотел отдавать нам наши чемоданы, все нес сам, и в его голосе не было и следа суровости:

— Нет, нет, нет! Не дам! Позвольте мне самому, вы — гости, а я вас встречаю, — говорил известный всему музыкальному миру маэстро, трубач-виртуоз, дирижер, профессор Сергей Георгиевич Проскурин. Ослушаться не было никакой возможности, пришлось покориться. На следующее утро вместе с музыкантами курского Русского камерного оркестра и гостями мы погрузились в машины и отправились в Марьино. Казалось бы, завезли в глухомань, в провинцию. Что тут может быть интересного? Но в полутора часах езды от Курска находится старинная усадьба, а точнее — один из шедевров русской архитектуры XIX века.

Как царь ассамблеи придумал

«...Балы введены в Россию Петром Великим, по возвращении его из-за границы, в 1717 году. Французский двор и высшее Парижское общество тогда, как и теперь, были законодателями моды, вкуса, любезности и светского общения, — все это было заманчивою новостью для Русского Монарха. Великий Преобразователь сразу понял, какое благодородное влияние окажет на полуобразованное русское общество и на смягчение грубости тогдашних нравов уничтожение затворничества женщины» — можно прочесть в главе V «Балы и театры» сборника советов и наставлений на разные случаи домашней и обще-

Казалось бы, завезли в глухомань, в провинцию. Что тут может быть интересного? Но в полутора часах езды от Курска находится старинная усадьба, а точнее — один из шедевров русской архитектуры XIX века.

▲ **Парадный фасад усадьбы «Марьино».** Гости отправляются на прогулку по парку. Слева направо: Владимир Легойда, митрополит Белгородский и Старооскольский Иоанн, Сергей Проскурин

ственной жизни (Санкт-Петербург, 1889). Результат не заставил себя долго ждать. В 1719 году был издан указ о неслыханных до того времени собраниях обоего пола, названных ассамблеями, где, в числе прочего, значилось:

«В ассамблеи могут приходить: чиновные особы в котором часу угодно, ходить, танцевать, сидеть или играть. Так же и все дворяне, известнейшие купцы, корабельные мастера и канцелярские служители с женами и деть-

ми. Преступивший правила подвергается наказанию осушить кубок большого орла».

Заключенные в высоких теремах будущие невесты, которые лишь по праздникам только и осмеливались подходить к окнам посмотреть на уличные гуляния, втайне радовались предстоящей свободе. Воспитанные же по старине их маменьки с большой неохотой повиновались Государевой воле, жаловались на развращенное время, когда молодым девушкам вдруг стало позволено не только говорить, не краснея, с молодыми мужчинами, но даже и прыгать с ними в танце.

Ассамблеи же были устроены следующим образом. В одной комнате-зале танцевали, в другой были шахматы и шашки, в третьей — трубки с деревянными спичками и рассыпной табак, бутылки с ценными винами. Дам угощали чаем и кофе, миндальным молоком и вареньем. Музыка на ассамблеях была большей частью духовая: трубы, фаготы, гобой, литавры. Изумительная музыка в исполнении приглашенных виртуозов покоряла всех, говорили, что «тот праздник не праздник, где не играли Голштинские музыканты». ➤

▲ Во время репетиции Русского камерного оркестра

Музыкальный князь

Почти три века спустя в бывшем княжеском дворце прошла первая Мариинская ассамблея, а в июне этого года мы были участниками 26-ой. В той или иной мере часть программы посвящена князю И. И. Бярятинскому, который возвел поместье и парковый ансамбль как символ достоинства и величия княжеского рода; по счастливому стечению обстоятельств оно практически в неизменном виде сохранилось до наших дней.

Концертная музыкальная жизнь в начале XIX века все же не была общедоступной. Ее ограниченность восполнялась домашним музицированием, что стало неотъемлемой принадлежностью жизни образованной части русского общества как в столицах, так и в провинции. Да и было ли это разделение на провинции и столицы? Значительная часть общества лишь летом проводила время в загородных домах. Музыка развивалась и процветала в литературно-художественных кружках и салонах Москвы, Санкт-Петербурга, в домах графов Шереметьевых, Виельгорских, княгини Волконской и многих других известных фамилий. Особое место в этой череде занимали и дворянские усадьбы, которые были вполне самодостаточными культурными центрами, где звучала не только камерная музыка, но и опера, и крупные симфонические жанры.

В XIX веке стараниями князя Ивана Ивановича Бярятинского его усадьба превратилась в один из бриллиантов на карте культурных сокровищ России. За свою жизнь (1767–1825) князь сумел с размахом воспользоваться преимуществами своего происхождения и положения, найти применение своим незаурядным музыкальным и художественным способностям.

С отроческих лет Иван Иванович Бярятинский находился на военной службе: в 13 лет он был зачислен поручиком в Екатерининский гусарский полк и определен адъютантом к генерал-фельдмаршалу князю Потемкину. Позже служил в Семеновском полку, был волонтером польской армии и отличился при штурме и взятии Праги войсками Суворова, работал в Русской дипломатической миссии в Лондоне, затем — в Мюнхене. После смерти обоих родителей Иван Иванович в 1812 году удаляется от дел, возвращается в Россию и поселяется в унаследованном поместье Ивановское Рыльского уезда Курской губернии. Это в полутора километрах от Марьино, здесь в 1811–1820 гг. на берегу реки Избицы строится княжеская резиденция.

С этих пор в имении процветает полнокровная и насыщенная жизнь. Князь успешно занимался сельским хозяйством, применяя последние достижения европейской агрономической науки, но интересы его были весьма обширны. До нас дошли превосходные художествен-

ные коллекции, значительное собрание книг, музыкальный архив. Сохранились и сочинения самого князя: увертюра для большого симфонического оркестра, соната в четыре руки и контрдансы. Без сомнения, все эти произведения звучали на ассамблеях в Марьине, в том числе и танцевальная музыка. По сохранившимся об этом сведениям можно судить о музыкальных пристрастиях во дворце.

Князь жил очень открыто: к нему беспрепятственно съезжались гости, во дворце устраивались шумные балы и театральные представления. В Марьине был постоянный театр, где ставились пьесы на русском и французском языках. Причем в постановках на родном языке участвовали крестьяне, а на французском — члены семьи, гувернеры, помещики, жившие по соседству. Оркестр же состоял из 40-50 музыкантов, в основном крепостных. И не только из своих. Барятинские слыли покровителями искусств. Одного талантливого крепостного скрипача князь Иван Иванович выкупил за десять тысяч рублей — астрономическую по тем временам сумму. К музыкальному образованию одаренных крестьянских детей Иван Иванович подходил очень обстоятельно: их отсылали для обучения в Санкт-Петербург.

Куда ты едешь!

Два века спустя Сергей Проскурин пришел в Российскую государственную библиотеку, чтобы лично изучить архив князя Барятинского.

— Я нашел три сочинения, принадлежащие его перу. Это настоящие жемчужины музыкального архива! Я листал ноты с восторгом и волнением первооткрывателя. Разбирал оркестровые партии, читал записи музыкантов на полях нот, всматривался в почерк князя. Кстати, когда мы проводили первую нашу Ассамблею в 2005 году, Русский камерный оркестр впервые исполнил найденную Увертюру ре минор для симфонического

Когда я вернулся в Россию, мой друг — музыкант из Швеции — написал мне: «Ты не знаешь, куда ты едешь! Россия — другая страна. Ты через год приедешь обратно — и работы не будет».

оркестра. Что поражает меня больше всего? Высочайшая музыкальная образованность князя. По нашим меркам — это уровень консерватории, не ниже!

Соответствовать высокой планке исполнительского мастерства, заданной князем Барятинским, сегодня, в XXI веке, стремятся музыканты оркестра Сергея Проскурина.

— Русские музыканты играют очень эмоционально. Европейские оркестры играют более точно, виртуозно. Я думаю, что наш оркестр отличается от других провинциальных оркестров, тем, что мы играем по-европейски технично, но с русской энергией, — говорит дирижер.

Почти четверть века Сергей Проскурин проработал в лучших оркестрах Европы и Америки. Он родился в 1957 году в Старом Осколе, окончил Саратовскую государственную консерваторию имени Собинова, проходил стажировку в Московской консерватории, а также в разных городах мира, среди которых Нью-Йорк и Лондон, работал со многими оркестрами мира, записал более двадцати компакт-дисков. Композитор, дирижер, основатель и руководитель Русского камерного оркестра в Курске, профессор Курского государственного университета, основатель и заведующий кафедрой инструментального исполнительства, профессор в консерваториях Вены, Копенгагена и Стокгольма. Блестящая карьера, о которой можно только мечтать! А в начале 2000-х годов он удивил своих европейских коллег — уехал в Россию, в провинцию и с нуля создал собственный — Русский камерный — оркестр.

После двухчасовой репетиции маэстро прогуливается с гостями по огромному парку и делится воспоминаниями. Конечно же, нам

очень интересно узнать, как это он взял и вернулся в русскую глушь?

— Знаете, как-то получилось так, что я все время жил в столицах: то в Дании, то в Австрии, то в Молдавии, но мне всегда хотелось жить в России. Может, это и покажется немножечко странным. Когда я вернулся в Россию, мой друг — музыкант из Швеции Гюнар Гранц — написал мне: «Ты уже столько лет здесь прожил, ты не знаешь, куда ты едешь! Россия — другая страна. Ты через год приедешь обратно — и работы не будет. Давай мы составим документ, что ты поехал в Россию на стажировку, чтобы ты мог через профсоюз вернуться домой».

▲ Одну из военных песен в исполнении солиста Большого театра Федора Тарасова подпевал весь зал, в том числе и сам маэстро Сергей Проскурин

Сергей Георгиевич говорит очень просто, как будто сложилось все именно так, как и должно было.

— Но у меня была мечта — выразить накопившееся в душе за долгое время: прочитанные книги, может, какие-то сны детские, ранние мои впечатления от музыки... Мне хотелось создать такой оркестр, чтобы я от

начала до конца мог за него нести ответственность — свой коллектив, ну, как своя семья.

В этих словах на прогулке после репетиции в прекрасном сосновом бору слышится главное — своя семья. Отношение к каждому в оркестре как к родному.

Возвращение домой

— Моя мечта сбылась, — с радостью в голосе говорит Сергей Георгиевич, — я полностью отвечаю за этот оркестр. Это необыкновенно сложно, потому что провинция — это не Москва, где и Консерватория, и столько учебных заведений, и столько музыкантов можно привлечь. Приходится заниматься чуть ли не с каждым в отдельности, и парами, и группами. Конечно, есть и опытные музыканты. Но я испытываю необыкновенную радость, что в провинции есть такой оркестр. Мне кажется, это очень важно — что моя мечта оказалась нужной кому-то.

Слова эти западают в душу сразу. Прогуливаемся все вместе, не спеша. В конце нашей нестройной колонны идет, что-то рассказывая собеседнику, владыка Иоанн, митрополит Белгородский, — тоже гость. Бесподобный аромат живого леса пьянит, под ногами прелые листья, иван-чай, хвоя, таинственный запах болотных цветов, и звуки — листьев, ветра, воды. Сам маэстро в обычной белой футболке и льняных

брюках, уже слегка утративших утреннюю наглаженность, выглядит близким и родным. Да так оно и есть.

— Почему же Вы вернулись? — с репортерской настойчивостью задаю банальный вопрос.

— Россия мой дом, и лучше, чем Россия, места для меня нигде нет. Я уверен, что наши люди — это носители действительно самостоятельно сформировавшейся цивилизации. Мы не Европа и не Азия. Когда мы сможем осознать, кто мы такие на самом деле, все начнет налаживаться, — Сергей Георгиевич говорит так убедительно, что веришь и радуешься такому совпадению во взглядах.

Сегодня Курский камерный оркестр известен во всем мире. С ним выступают солисты «Ковент-Гарден», Берлинской и Стокгольмской королевской оперы. С восторгом маэстро вспоминает, как оркестр в мае этого года выступал в Москве, в зале храма Христа Спасителя, когда отмечалось тезоименитство Патриарха Кирилла:

— Выступать в присутствии Святейшего — большая ответственность, но и немалая радость и для меня лично, и для музыкантов, которые приехали в самое сердце нашей страны из далекого города.

Воспитанники Проскурина играют сейчас на лучших сценах мира. Сергей Георгиевич принимает это как должное, набирает в свой коллектив новых талантливых музыкантов из провинции. Всей своей работой он доказал, что и в российской глубинке можно создать оркестр, гастроли которого расписаны на год вперед. Но самая любимая публика ждет его здесь — на «Мариинских ассамблеях».

◀ Пруд в парке, специально вырытый И. И. Барятинским для прогулок на лодках к искусственному острову с беседкой, где обыкновенно устраивались чаепития

Мне хотелось создать такой оркестр, чтобы я от начала до конца мог за него нести ответственность — свой коллектив, ну, как своя семья.

Чудо рождается

— Как же ваши друзья, коллеги-музыканты приняли вашу мечту?

— Меня не понимали. Ведь многие мои студенты работают и в Парижской опере, и в Лондоне, и в Королевской опере Стокгольма играют, на радио и телевидении Дании — более чем в десяти ведущих оркестрах мира. А теперь, знаете, как все обернулось? Сейчас европейские музыканты — певцы, солисты — мечтают приехать сюда, сыграть с нашим оркестром!

— А простые люди могут попасть на ассамблеи?

— Конечно, просто надо накануне известить, что придут. Если на два дня, с ночевкой, то заранее договориться с санаторием в Марьине, это наши друзья, они предоставляют места.

В течение двух дней директор санатория выступает главным массовиком-затейником, проводя конкурсы, чаепития и лотереи. В безукоризненном костюме, с бабочкой, в перчатках Сергей Леонтьев не то что играет роль, но и на самом деле является радушным хозяином.

В самом Курске оркестр Проскурина тоже дает концерты, часть из них совершенно бесплатные.

— Мы в городе даем более 20 бесплатных благотворительных концертов в год. Все могут прийти! Очень жаль, что иногда залы не могут вместить всех желающих и по 200, 300, 400 человек вынуждены стоять в фойе. Я вижу совершенно новых людей на концертах, — делится Сергей Георгиевич. — Я надеюсь, что мы смогли сформировать, воспитать часть публики, которая не знала раньше о том, что есть камерная музыка, есть классическая музыка, и что ее нужно слушать вживую. Многие из тех, кто бывает на наших концертах, говорят: «Мы просто

клад какой-то открыли для себя!» Видимо, это и есть ответ на вопрос, зачем я вернулся.

Вот и вечер, сейчас начнется концерт. Круглый зал дворца, стены возносятся вверх, к небу, под крышу из узорчатого стекла, и время словно вернулось на 200 лет назад. Музыканты преобразились: мужчины в костюмах, дамы — в бальных платьях. Но само чудо рождается в тот момент, когда дирижерская палочка взмывает вверх, замирает, как бы предчувствуя, что через мгновение в этот зал, в этот дом, спрятанный в глухом уголке огромной страны, ворвется — как ветер, как те самые утренние лучи солнца, — настоящая, хотя и незримая, красота. ♠.

Текст и фото
Юлии Маковойчук